

Глава первая

Начало

Обо мне никто не узнал. Спустя некоторое время после того, как священника Гренуя обнаружили мертвым, а именно — как было написано в протоколе — скончавшимся от сердечного приступа, и признали серийным убийцей, который навел ужас на весь город, я отправил Линде Олбрайт письмо. Не от руки написанное, а в печатном виде, чтобы мой почерк не стал в итоге уликой против меня.

Письмо гласило:

«Никому обо мне не говорите. И быть может, мы еще с вами встретимся.

Сержант».

Кстати, узнав о том, кем был старый добрый священник Гренуй, она выразила желание отправиться в морг и лично опознать его (по рукам), хотя против него уже тогда было достаточно улик, чтобы его «честное» имя было очернено и оплевано. И девушка, разумеется, его опознала — обо всем этом мне рассказал Марк.

Храм временно закрыли, а помощник отца Гренуя сказал, что никогда больше не станет служить в этой церкви, и перевелся в другую.

Все так или иначе налаживалось, я писал музыку и продавал ее редким ценителям моего творчества. Всего за несколько месяцев в новосозданном сообществе, посвященном моей авторской музыке, набралось около четырехсот человек, и большинство из участников просили, чтобы я выпустил альбом.

Чуть позже я так и сделал.

С Марком мы стали ближе. Гораздо ближе, чем раньше, — от него больше не воняло ложью и вечными недоговорками. Он был честным и прозрачным, как условия кредита в местном банке, который хотели мне навязать, когда я завел свою первую карту. «Все честно и прозрачно. Брать кредит у нас — одно удовольствие». Нет уж, спасибо. Пока буду довольствоваться тем, что есть.

Вот так и началась новая глава моей жизни. Как-то Марк сказал мне, что я стал намного сдержаннее и спокойнее. В общем, неудивительно. После того, что я пережил и о чем мой друг полицейский не знал.. Одно дело видеть дьявола внутри себя, другое — увидеть его однажды в чужих глазах. Особенно в тех, где, как мне показалось, много боли и Бога.

Все закончилось, и я каждый новый день был этому рад. Играл на пианино, поглядывал в окно, дожидаясь Марка с работы, и по-своему ценил то спокойное, мирное время, когда монстр исчез из

нашего города. Вот только я никак не предполагал, что это временное затишье давалось лишь для того, чтобы разбить вдребезги все мое представление о Человеке и Монстре.

Я убил того, кто отнимал чужие жизни, даже не прикоснувшись к нему. Я не знал, что уничтожить монстра — это не значит уничтожить зло. Он был не один такой...

* * *

В тот день я пошел на местную почту, чтобы отправить диски людям, заказавшим у меня музыкальный альбом с автографом. Сидя у окна, краем уха я услышал, как женщина лет пятидесяти выражает свое недовольство по поводу работы местной почты, затем — по поводу полиции, а затем — и властей в целом. Никто из работников почты не воспринимал ее всерьез и не вступал в дискуссию. Что ж, просто у человека стало гадко на душе именно в тот момент, когда он пошел на почту, чтобы отослать кому-то письмо. Бывает. Что поделывать, человеческий фактор. Человек — не робот, ему чувствовать не запретишь.

Хотя ученые в ближайшем будущем хотят внедрить роботов в нашу жизнь, чтобы они нас обслуживали и облегчали нам существование... чтобы они вытесняли нас. Конечно, они много чего хотят, эти ученые, и подобное заявление не воспринимается пока всерьез, ведь на проект уйдут годы, а может, и десятки лет. Они вот не подумали, эти головастые, как обыкновенный человек будет зара-

батывать на жизнь? Наверное, обслуживая роботов. Изготавливая их и ремонтируя время от времени. Роботы будут обслуживать мир, а мы будем обслуживать их ..

Интересно, станут ли роботы писать музыку? Если и да, то, похоже, только скрещивая великих. К примеру, Бетховена с Моцартом, чтобы на выходе получился новый шедевр — «Бетхоцарт», поданный в красивой обертке. Обзовут, например, произведением некоего Карло Антонио Пальяччи под названием «Сон Моны Лизы». А книги как будут писать эти железяки? Скрещивая Достоевского и Андерсона? Чтобы на выходе из типографии получилась «Сказка о самоубийстве»? Или Михаила Булгакова с Эдгаром Аланом По — «Ворон и Маргарита», ага!

Ладно, меня опять занесло. А ведь обыкновенная женщина, чья-то мать и дочь просто зашла на почту, начала жаловаться на жизнь и пробудила во мне такие странные мысли.. нас поработят роботы, бр-р.

Я сидел за свободным столиком, никого не трогая, подписывал конверты и вкладывал в них диски.

Та самая женщина вдруг обратилась ко мне:

— Простите, я не помешаю?

— Нет, садитесь, — любезно и ровно сказал я.

В конце концов, у стола стоит два стула, и кто может запретить ей сесть на свободный?

— Эта почта.. Боже, нет слов. Я отправляла письмо в другой город, и оно шло целый месяц. Куда катится эта страна?

Свой монолог она адресовала не мне, так, говорила в пустоту, наверное, обращаясь к некоему внутреннему собеседнику. Невольно скосив глаза, я увидел, что она тоже что-то подписывает. Наверное, всемирную жалобу на жизнь! Есть такая категория людей, которые постоянно и на все жалуются.

— Роботов они хотят внедрить в нашу жизнь, идиоты! — вдруг произнесла посетительница, и я аж вздрогнул от неожиданности. Надо же, ее мысли пошли в том же направлении, что и у меня. Она тем временем продолжала: — А кто будет лечить людей? Кто будет лечить больных шизофренией? Тоже роботы? Все стремятся сделать сверхчеловечество, а на обыкновенного человека плевать. Так было всегда, это только песни, что они защищают наши права, что заботятся о нас. Никто о нас не заботится!

— Простите, а что, вы не в состоянии позаботиться о себе сами? — Я не сдержался и первым начал разговор.

Внутри я смеялся, так как после вчерашней телевизионной пресс-конференции нашего президента эти роботы засели не только в моей голове. Мы с Марком, правда, смотрели все уже в повторе — его коллеги посоветовали ему взглянуть на «наше светлое будущее». Президент сказал, что ученые смело заявляют о своих намерениях относительно железных машин с искусственным разумом. Видимо, эта информация вызвала паранойю и манию преследования роботами у целой страны.. Забавно.

— Не могу! Я даже не могу позаботиться о своем сыне, что уж говорить обо мне самой.

Ну все, появились свободные уши. Мне конец! Черт же меня дернул прокомментировать. Сидел бы себе спокойно, писал, эх..

— Сыну его одноклассник выстрелил в челюсть из пневматического пистолета. Вы даже не представляете себе, как сейчас выглядит рот Райана. Никогда не смотрели «Пилу»?

— Странно, что вы ее смотрели. И что? Закрыли этого одноклассника?

— Закрыли? Издеваетесь, что ли? Ему всего пятнадцать лет, он несовершеннолетний и к тому же из неблагополучной семьи. Полиция мне сказала, что ничем помочь не может. Забирайте, мол, свое заявление и идите заботиться о сыне.

— Так и сказали?

— Да. Эта страна.. в прокуратуру не протолкнуться, завести дело — целая проблема. У меня уже крыша едет, извините меня, я бегаю от одного участка к другому, в прокуратуру, уже президенту пишу письмо. А этого парня даже ударить нельзя, потому что посадят меня. Представляет, он берет с собой в школу пистолет и показывает его одноклассникам, поднимает свой авторитет в их глазах. А моему сыну говорит, чтобы я перестала на него писать, а то переломает ему ноги. Я уже подыскиваю другую школу... Это такой ужас, не передать! Он даже не раскаивается в том, что сделал.

— Напишите мне, пожалуйста, номер вашего мобильного, имя, фамилию, адрес. Я передам эту информацию в надежные руки. Пишите сейчас же.

— А кто вы?

— Я никто, а вот мой друг — хороший полицейский, и, думаю, он поможет найти подходящее место для этого парня.

— Да, хорошо..

Она написала что-то на листе и передала мне. Очень красивый и ровный почерк. На самом деле интеллигентная женщина. Таким порой бывает тяжело.

— Я отдам кому надо.

— Спасибо. Знаете, я работаю в психиатрической лечебнице, если вам или кому-то из ваших родных понадобится рецепт на какие-нибудь таблетки, которые не продаются свободно в аптеках, или что-нибудь нужно будет достать, позвоните мне. Я помогу. А еще.. у вас есть дети?

— Нет.

— Хм, ну ладно, если кому-то из ваших близких нужно будет устроить быстро и без проблем ребенка в садик, обращайтесь, у меня есть хорошие знакомые.

— Ладно, я пойду. Ожидайте звонка.

Она молча проводила меня грустным взглядом, похоже, не сильно поверив в грядущее чудо. Я отправил посылки и ушел прочь. Когда покидал почту, женщина все еще сидела за столиком и писала.

Меня реально зацепила эта история, и как только представилась возможность, я первым делом позвонил Марку.

— Доброе утро. Не отвлекаю?

— Доброе. Что-то срочное? — отозвался он.

— В общем-то да, но оно дождется твоего обеда. Приедешь домой?

— Хм, скорее всего нет. Много бумажной волокиты сегодня навалилось, мой напарник ушел в отпуск, и нужно все разгрести самому. Если что-то важное, приезжай к участку, зайдём в ближайшее кафе, перекусим, и расскажешь мне, что у тебя там произошло. Ты же вроде должен был отправлять альбомы? Разве нет?

— Уже отправил. Хорошо, я приеду к тебе. Во сколько?

— К двум.

— Договорились! До встречи.

Сначала я вернулся домой, быстро попил чай, поиграл на пианино, а около двух вышел из квартиры и отправился к ближайшему метро.

* * *

— И что, ее послали? В какой участок она обратилась? — Марк удивленно взглянул на меня, будто в его практике подобное происшествие случилось впервые.

— Вот ее номер телефона, — сказал я, протягивая листок. — Позвони ей, будь добр, в ближайшее время. Она интеллигентка, такие, увы, зачастую своего не добиваются.

— Ладно, позвоню, когда приду в участок.

Мы сидели с Марком в кафе за три квартала от его работы. Безлюдное спокойное место — кроме нас в зале был только один посетитель, тихий пожилой старичок в сером плаще. Все время, что

мы с Марком здесь провели, он стучал по клавиатуре своего ноутбука. Возможно, переписывался по почте. Сейчас у стариков и старушек наступила виртуальная любовь. Эпоха технологий. Наши деды с боевым задором готовы командовать роботами. Подавайте уже!

В кафе была светлая, теплая обстановка. Французские окна от пола до потолка... и вообще, мне показалось, что здесь присутствовал французский дух. В воздухе пахло корицей, кофе (хорошим, прошу заметить), а еще ванилью, круассанами и неспешностью. Знаете, такой приятной размеренностью. Плюс спокойная негромкая музыка. Джаз сменяли композиции великих композиторов, в частности, Бетховена и Моцарта, но это не выбивало из завораживающей тишины. Наоборот. Очень интересное сочетание.

— Еще кофе закажу, пожалуй. Что-то слабенький он у них здесь. И что это за дела такие, что курить в кафе нельзя? — Марк недовольно бурчал себе под нос, наверное, трудности на работе. — Официант, будьте добры, еще один кофе. Только на этот раз эспрессо, а то не бодрит ваш латте. Спасибо, — крикнул он через весь маленький зал.

Дятел, как я заочно прозвал для себя старичка, перестал стучать по клавиатуре и обернулся посмотреть на громкого посетителя. (Все это время он сидел к нам спиной.)

— Прошу прощения, — вежливо обратился к Марку официант за кассовым аппаратом. — Будьте

добры сделать заказ у стойки, у нас самообслуживание.

— Ну и сервис... — Марк поднялся со своего места.

— У них здесь так принято, — улыбнулся я, зная, в каких местах он привык пить кофе. И какой кофе!

— Курить нельзя, кофе принести нельзя. Что у вас можно, дорогой человек? А у вас лицензия есть?

— Лицензия есть, — кивнул кассир, молодой человек довольно высокого роста. На вид ему было не больше двадцати пяти. — У нас можно наслаждаться атмосферой, музыкой и пить вкусный кофе. Еще у нас есть книга отзывов и пожеланий, принести вам?

— Да нет, не нужно. Ладно, все нормально, дружище.

Марк взял свой эспрессо, заплатил за него и вернулся за стол.

— Ох, как достало все! В редкий свободный час не могу спокойно расслабиться. Вот приходишь в «Гертруду Камбуду», и там тебе радость! Чашечка кофе? Не проблема! При чем кофе такой, что через двенадцать часов уснуть ночью не можешь. И кури на здоровье, хоть сдохни! А тут... вся эта музыка, вычурность. Зачем было окна ставить от пола до потолка? Зимы у нас лютые, между прочим. Посетители в декабре предпочтут на улице кофе быстро выпить, чем сидеть и мерзнуть в кафе. И вообще...

— Хватит, Марк, я понял. Что у тебя на работе?

— Да не спрашивай! — Он раздраженно тряхнул головой. — Бытовые разборки, убийства на поч-

ве ревности... Муж пытается засадить за решетку жену, жена — мужа. А ребенок старается оправдать обоих! Что за жизнь? Где семейные ценности? Друг друга обманывают, предают, убивают, раскаиваются, плачут и так далее. Как тут с ума не сойдешь? Изо дня в день накапливается. Я уже бирюком становлюсь, замкнутым, угрюмым... брюзжащим.

— Ага. — Я наслаждался своим нежным и пенистым капучино, он был прекрасен как никогда.

— Кстати, вот еще незадача. В церковь священники идти не хотят... ну, ты знаешь в какую. Говорят, там все стены пропитаны злом и ни одной молитвой это зло оттуда не выгонишь. Люди ее стороной обходят. Суеверный народ нынче стал. Летящие машины они хотят запустить, роботов строят, а сами верят в призраков, в дьявола и всякую другую чушь.

— И ты с этими роботами. Ха-ха-ха! — не удержался я.

— Так все о них говорят после вчерашнего обращения. Полицейских хотят заменить железяками... Серьезно? Кто убийц искать будет, составлять психологический портрет, изучать отпечатки, ткани кожи, волосы, ДНК? А стрелять в преступников они силой мысли будут или их лазерами оснастят? Ну и вздор. Куда катится наша страна!

— К роботам, Марк.

— Да иди ты... Ладно, извини, что-то и вправду грустно все.

— За сестру переживаешь? — Кажется, я понял, что его заботило на самом деле.

— Да, — признался он. — Уже неделю на связь не выходит. Хоть бы сказала, как все прошло, купила она квартиру или до сих пор снимает? Устроилась ли на работу? Не окружают ли ее убудки, как...

— Тс-с, мы здесь не одни. Не стоит произносить вслух то, что однажды может обернуться виселицей, — тихо, но строго сказал я. (Иногда бывало, что мы с Марком менялись местами и я на время будто превращался в его старшего товарища.)

Он кивнул:

— Да. Мне бы весточку от нее. Уже четвертую ночь плохо сплю, Домми.

— Придет твоя весточка, не стоит так переживать. Ей же не десять лет, она взрослая девушка, четвертый десяток на носу...

— Она всего годом меня старше, — недовольно уточнил Марк.

— Вот именно. А ты уже одной ногой кладбищенскую землю топчешь, обсыпашься весь.

— Да ну тебя, я серьезно.

— Может, съездить к ней? Не думал?

— Если не выйдет на связь через несколько дней, возьму отпуск и поеду. Заодно и отдохну от всего этого. О, эта мысль определенно меня греет! — Мой старый добрый Марк наконец улыбнулся.

Мой единственный на свете друг. Мой герой и очевидный антипод моей личности.

— Самое время!

— Ладно, мне пора, засиделся. Опаздывать нельзя: шеф у нас как злая собака. Одно опозда-

ние — словесный расстрел! Был рад увидеться, дружище, буду дома вечером, как всегда. Ты здесь еще посидишь?

— Да, мне нравится это место. И я был рад увидеться, удачного дня!

Марк отставил в сторону пустой стаканчик и направился к выходу.

— Прошу прощения, — натянув приветливую улыбку, обратился к нему кассир, когда тот уже был около двери. — Уберите, пожалуйста, за собой бумажный стакан.

— О Господи Иисусе, за что я попал в это место! — тихо выругался про себя Марк и вернулся к столику.

Я ему подмигнул.

С того самого дня я и силой бы не заставил Марка пойти в это кафе снова. Даже если бы во всем городе закончился кофе и закрылись все кофейни. Тут Марк был категоричен как никогда.

* * *

Поздним вечером того же дня.

— Привет. — Я прикрыл крышку пианино и выскочил в коридор, как только услышал скрип двери.

— Привет, Домиан. Плохие новости у меня.

— Относительно чего или кого?

Марк приступил к своему вечернему ритуалу — натиранию обуви до блеска.

— Относительно Мэри Мок.

Я посмотрел на него глазами, полными неведения и непонимания. Кто такая эта Мэри Мок?

— Ну твоя женщина с почты, которая поклялась, что лично поедет к президенту, если одноклассника ее сына не посадят... И плохие новости в том, что его не посадят.

— Что значит не посадят? И ты туда же?

— А она тебе сегодня утром не рассказала, по какой причине все отказываются рассматривать это дело?

— Нет, но какая может быть причина, чтобы покрывать преступника? Не понимаю.

— Там не все так просто, Домиан.

— Рассказывай.

Он закончил чистить обувь, и мы отправились на наше любимое место, где могли коротать будние вечера и выходные дни и ночи. За сигаретой, за стаканом бренди, за интересной историей...

— В общем, дело такое. Одноклассники поехали в лес, на природу, разумеется, без взрослых. Напились, как я понимаю, накурились, и думаю, что не только сигарет. Большинство прямо тут же и уснуло, а проснулись они от крика этого Райана Мока, которому прострелили челюсть. И все в один голос утверждают, что никто из их компании в него не стрелял и, конечно же, пистолета ни у кого и быть не могло. Сложность в том, что все в один голос утверждают, что стрелял охотник, неизвестный человек, проходивший мимо. По всей видимости, этот Райан был в их классе изгоем. — Марк в задумчивости взъерошил волосы. — А тот, кого он, точнее,

Мэри Мок, обвиняет, — Адам Фокс. Недавно у его матери отобрали родительские права за пьянство и полное отсутствие заботы о своем ребенке. Он живет вместе с дедом, тот взял над ним опеку.

— Значит, никто не хочет за это братьяся, так как все одноклассники утверждают, что Адам Фокс не стрелял в Райана? И вы им верите?

— Верим — не верим, это не имеет значения. Значение имеют только факты. Факт первый: по утверждению тринадцати человек, в том числе и самого обвиняемого, Адам Фокс спал в момент выстрела. Факт второй: подозреваемых по этому делу нет. Вот и все. Если бы нам принесли пистолет с пальчиками Фокса на рукояти, тогда да, без проблем. Посадим, как родного. А так...

— Понятно.

— Нужны улики против него, Домиан, и я это уже сказал Мэри Мок. Без них даже президент ничем помочь не сможет.

Мы курили, пили: я — чай, Марк — кофе. Мы проболтали всего час этим вечером, так как Марк был уставшим. Когда он ушел спать, я немного поиграл на пианино, а затем прилег и сам.

Думал об этом Адаме Фоксе...

* * *

Когда я проснулся, первым же делом позвонил Мэри Мок и попросил о встрече с ней и ее сыном. Она охотно согласилась, сказав приехать к ним домой после трех. Марк все равно сегодня не мог вернуться к обеду, а потому я без колебаний отпра-